

Бельгийские стрѣлки за баррикадой.

Далекое недавно.

Статья В. Ирецкаго.

Моя маленькая приятельница Люся, лукавый и наблюдательный звѣренушъ, подмѣтивъ мою склонность рыться во всякомъ книжно-газетномъ хламѣ, на-дняхъ сообщила мнѣ по телефону «важную новость». На платяномъ шкафу, въ пыли, она отыскала «старую-престарую газету» — не нужна ли она мнѣ?

При ближайшемъ разсмотрѣннн «старая-престарая» газета оказалась однако просто запыленнымъ номеромъ «Рѣчи» отъ февраля мѣсяца нынѣшняго года, но, чтобы не убивать въ корнѣ археологическихъ наклонностей моей юной приятельницы, я сдѣлалъ видъ, что отношусь къ ея находкѣ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Люся слѣдила за моимъ лицомъ и ждала отвѣта.

Признаюсь, моя дѣланная серьезность очень скоро перешла въ настоящую. Что за странная история! Газетный листъ, отъ котораго всего только полгода назадъ пахло свѣжей типографской краской, дѣйствительно показался мнѣ «старымъ-престарымъ». Неужели еще недавно можно было говорить о томъ, о чемъ такъ горячо писалъ авторъ одной изъ статей этого номера? Не вѣрилось какъ-то. Его мысли показались мнѣ вдругъ такими далекими отъ насъ, даже дикими, а, главное, такими суетными въ наши, опаленные войною, дни. А между тѣмъ эти мысли самому автору казались истиной, которую онъ запечатлѣлъ на бумагѣ въ видѣ эдикта... Увы! эта истина не просуществовала и полугодя.

Авторъ статьи — художникъ Бакстъ. Онъ писалъ о томъ, что «идея» танго, параллельная «идеѣ интенсивности красокъ» дамскаго костюма, охватила весь міръ и пришла въ всѣмъ по вкусу. Во всеоружіи этихъ красокъ, въ костюмѣ съ «чувственной прозрачностью отдѣлокъ» и «малоскромными складками», современная парижская дама, утверждалъ Бакстъ, является законченнымъ красочнымъ аккордомъ и обольстительнымъ цвѣткомъ, которому, дѣйствуя на мужскую психологию, суждено будетъ отвоевать поле побѣды для... равноправной женщины. И, защищая цвѣтные парики, малоскромныя складки и вообще

всю чувственность современнаго дамскаго туалета, Бакстъ очень рѣшительно исключалъ изъ извѣстной триады — душа, тѣло и платье — душу и тѣло и оставлялъ одно лишь платье. Въ недалекомъ будущемъ ему даже рисовалось «сраженіе», въ результатѣ котораго «вечерняя» женщина, т. е. нарядная женщина, всѣмъ арсеналомъ линій и красокъ поработшаетъ мужскую половину человѣчества и тѣмъ самымъ освобождаетъ другую его половину. „Необузданная прятная красочность, — писалъ этотъ законодатель парижскихъ модъ, — прошла по всему міру, переодѣвъ вчерашнихъ бонтонныхъ «сѣрыхъ» дамъ и дѣвицъ обоего полунарія въ подобіе алмей и гуріи, перелпвающихся самыми пѣвучими, самыми чистыми красками“.

Я не знаю, какая отдѣлка и какія складки на костюмѣ у современной парижской «вечерней» дамы. Я даже не знаю, вообще ли существуютъ теперь въ Парижѣ вечера. Какъ-то грѣшно думать объ этомъ. Но зато для меня ясно, что эти пѣвучія краски теперь стыдливо спрятались въ шкафы, насыщенные атмосферой пафталлина. И еще для меня ясно, что у Бакста были суетныя мысли.

Послѣ шумнаго, но недолгаго успѣха исчезла яркая красочность костюмовъ, и, должно быть, ее надолго замѣнитъ печальный цвѣтъ траура. Будетъ забытъ, если уже не забытъ, и трагически-эротичный танго, который «всѣмъ» пришелся по вкусу» и по поводу котораго Ришпенъ сдѣлалъ докладъ въ соединенномъ засѣданнн всѣхъ пяти академій.

— Какъ ты думаешь, Люся, — спросилъ я у своей приятельницы, заставшей въ ожиданнн моихъ словъ: — было бы красиво носить розовые, голубые и оранжевые волосы?

Люся вскинула на меня свои загорѣвшеся вдругъ шустрые глазенки и, не отвѣчая на вопросъ, сказала:

— Знаешь, кто бы это носилъ? Тетя Лена. У нея все по-модному.

Потомъ она подняла къверху свою лукавую мордочку, ненадолго задумалась, точно хотѣла представить себѣ, какъ это будетъ выглядѣть тетя Лена въ цвѣтномъ парикѣ, и внезапно смутилась.

— Что я! — прибавила она тономъ упрека къ самой себѣ. — Вѣдь теперь тетя Лена — милосердная сестра.

Нѣтъ, это былъ неудачный способъ при помощи арсенала чувственныхъ линій и красокъ отвоевать для женщины равноправіе.

Чувственность никогда не одерживала должныхъ побѣдъ.

В. Ирецкин.

